УДК 327

Алексей ГРОМЫКО

СУБЪЕКТНОСТЬ ЕВРОСОЮЗА – МЕЖДУ АТЛАНТИЗМОМ И ЕВРОПОЦЕНТРИЗМОМ

Статья поступила в редакцию 02.06.2021

Аннотация. В центре исследования – современный дискурс на тему субъектности Евросоюза, который ведётся евроатлантистами и европочвенниками как по концептуальным, так и по прикладным вопросам. Сталкиваются два мировоззрения о желательной идентичности ЕС либо как части возрождённого западнцентризма, либо как умеренного европоцентризма. Большое внимание уделено успехам и неудачам в реализации принципа стратегической автономии, роли в этом Германии и Франции. Субъектность ЕС представлена как многоскоростное движение, характерное для всей истории европейской интеграции. Рассмотрено продвижение этого принципа в военно-политической области вплоть до разработки идеи собственного гарантированного ядерного сдерживания. Приводятся примеры стремления к самостоятельности ЕС в сфере цифрового и торгового суверенитета, включая положения дел вокруг Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) в отношении Ирана и «Северного потока 2». Показано, что приход в Белый дом Дж. Байдена не снизил противоречия между США и Европой по многим направлениям. Последние события, связанные с Афганистаном и военным соглашением между Британией, США и Австралией (AUKUS), служат дополнительным подтверждением этого тезиса.

Ключевые слова: субъектность ЕС, евроатлантисты, европочвенники, европоцентризм, стратегическая автономия, Германия, Франция, цифровые платформы, экстерриториальные санкции.

После избрания Дж. Байдена в ноябре 2020 г. президентом Соединённых Штатов в Европейском союзе наступил новый этап дискурса европейских атлантистов и европочвенников. Первые являются сторонниками возрождения западнцентричного мира во главе с Соединёнными Штатами, который, как они полагают, оставит позади «историческую осечку» трэмпизма. Вторые – сторонники умеренного европоцентризма, при котором ЕС находился бы среди мировых лидеров, обладая стратегической автономией от других центров силы, включая США. При этом каждая из этих двух категорий взглядов на взаимоотношения США и ЕС не соотносится линейно с феноменами евроскептицизма и еврооптимизма. Другими словами, евро-

© **Громыко Алексей Анатольевич** – член-корреспондент РАН, директор Института Европы РАН. **Адрес:** 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11-3. **E-mail:** alexey@gromyko.ru

Автор благодарит профессора О.В. Буторину за рекомендации, высказанные в ходе его работы над статьёй.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420211025>

атлантисты не обязательно должны быть жёсткими евроскептиками, а европочвенники – последовательными еврооптимистами.

Британские евроскептики, добившиеся брекзита, действительно, всегда были убеждёнными атлантистами. Но в ряде восточноевропейских стран сильный про-американский уклон сочетается со стремлением получить максимальные выгоды от членства в ЕС, несмотря на все внутренние разногласия с Брюсселем. Немецкие «зелёные» являются и европочвенниками, выступая за создание европейской армии и за вывод из Германии американского ядерного оружия, и одновременно – еврооптимистами, ратуя во многом за европейский федерализм. Но, скажем, в Италии или Франции популярность идеи стратегической автономии Евросоюза соседствует с сильными евроскептическими настроениями. Несмотря на все отличия между перечисленными взглядами, большинство их носителей являются представителями различных течений либерального политического истеблишмента, о феномене которого мы писали ранее [Громыко, 2018: 5–16].

Вариативность будущего ЕС зависит от дальнейшего хода масштабных трансформаций. В ряде последних отечественных работ феномен государства-нации, «возвращения государства», в том числе в составе Европейского союза, исследуется с точки зрения «суверенизма», «нового национализма», появления новых типов национальной идентичности. Ставятся вопросы о перспективах европейской цивилизации, её корнях и дальнейшей эволюции [Государство в политической науке... 2020]. Даётся обновлённый взгляд на концепцию «Большой Европы» в свете подъёма «Большой Евразии» [Будущее Большой Европы. Перспективы... 2020]. Предметом исследования становится тема вызовов регулированию военно-политического соперничества в Европе, её стратегической маргинализации [Истомин, 2020: 207-219]. Продолжается изучение стратегической автономии ЕС [Стратегическая автономия ЕС... 2020], в том числе его военно-политический потенциал рассматривается в контексте евроатлантической безопасности [Щербак, 2021: 34–40; Актуальные проблемы Европы, 2020, «Европейская оборона» в контексте... 2020]. Предпринимается анализ последствий президентства Д. Трампа на европейском направлении [Трансформация политики США при Д. Трампе... 2020: 466–534; Шумилин, 2020: 14–21].

Обострение дискурса евроатлантистов и европочвенников происходит в результате того, что предметом споров являются не только вопросы, связанные с большой политикой, экономикой, безопасностью, но и мировоззренческие сюжеты. В европеистике уже привычно использование понятия «нарратив». Применяют его широко и в ЕС, генерируя представления о ключевой роли ценностных различий между «демократиями» и «авторитарными режимами», между «непредсказуемыми государствами» и теми, кто ратует за «мир, основанный на правилах». В этом смысле нарратив выступает как часть идеологической борьбы. Однако осязаемое онтологическое противостояние происходит и внутри самого либерального политического истеблишмента, которое может быть не менее серьёзным, чем его идейные расхождения с движениями «нового популизма».

Категория «цивилизация» активно применяется в современной российской европеистике в рассуждениях о Большой Европе, Европе от Лиссабона или даже от Ванкувера до Владивостока, о европейском континентализме, европейской цивилизации между тремя океанами (Атлантическим, Северным Ледовитым и Тихим).

Суть таких аналитических построений заключается в представлениях о России как о неотъемлемой части этого огромного культурно-исторического пространства, которое, тем не менее, взаимосвязано общими цивилизационными характеристиками [Европа между трёх океанов, 2019; Большая Европа: идеи, реальность, перспективы, 2014; Россия в многообразии цивилизаций, 2011]. Основы данных подходов были отражены в ряде рубежных политических деклараций, например, в Парижской хартии для новой Европы, принятой в ноябре 1990 г. на исходе холодной войны.

В рамках Евросоюза развивался собственный дискурс о европейской цивилизации с той принципиальной разницей, что, как правило, под ней подразумевается пространство в границах ЕС. Отсюда следует и свойственная его общественной мысли и политической практике традиция использовать понятия «ЕС» и «Европа» в качестве синонимов¹. В начале 2000-х гг. широкую популярность получила концепция «европейской мечты» [Rifkin, 2004] (лидирующей роли ЕС в мире XXI века), которая сегодня встречается редко, как и концепция «Большой Европы» (европейская цивилизация от Атлантики до Тихого океана). Апологетическая часть «европейской мечты» ушла в прошлое, но поиски смыслов существования ЕС, европейской идентичности, европейского суверенитета продолжились [Boniface, 2020]. В последние годы эти поиски ведутся на базе принципа «стратегической автономии» – центрального для Глобальной стратегии ЕС, обнародованной в июне 2016 г. Интегрирование данного принципа в Общую политику безопасности и обороны ЕС придало ей качественно новую динамику².

Среди евроатлантистов широко распространены неолиберальные, постмодернистские, внеисторические трактовки идентичности Евросоюза³. Они с большим скепсисом смотрят на рассуждения о европейской цивилизации как в её расширительном толковании (Большая Европа), так и в усечённом (Малая Европа). Связано это с тем, что в обоих случаях размывается нарратив западной цивилизации, а значит США и Европа признаются отличными субъектами мировой истории не только в политическом и в социально-экономическом отношении, но и в культурно-ценностном. Тем более, евроатлантисты считают принципиальным изъяном расширенного толкования европейского пространства включённость в него России, что ещё больше, в их глазах, вредит представлениям о евроатлантическом единстве.

Не удивительно, что объектом критики евроатлантистов постоянно становятся Франция и, в частности, президент Э. Макрон, который вслед за генералом де Голлем склонен рассуждать о Европе в расширительном толковании, доводя её границы не только до Уральских гор, но и до российского Дальнего Востока. В последние годы Макрон продолжал говорить о Европе от Лиссабона до Владивостока, в том числе на совместной пресс-конференции с В.В. Путиным в августе 2019 г.⁴,

¹ В российской европеистике известна характеристика Евросоюза как «Малой Европы».

² Новейший обзор ОПБО, см. [The Common Security...].

³ Например, см. [Balfour].

⁴ Президенты России и Франции сделали заявления для прессы и ответили на вопросы журналистов. 19.08.2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/61336> (дата обращения: 27.06.2021)

рассуждал в похожем ключе на цивилизационную тематику в выступлении перед дипломатическим корпусом Франции¹ и в интервью журналу «Экономист»². Не раз о Большой Европе положительно высказывалась канцлер А. Меркель, другие немецкие и европейские политики. Демонстрацией сохранения в политическом мышлении Парижа и Берлина панъевропейского измерения стало их совместное предложение в преддверии саммита ЕС 24-25 июня 2021 г. организовать встречу лидеров стран-членов объединения с президентом России. Категории «Большая Европа», «пространство от Атлантики до Тихого океана» многократно использовал В.В. Путин, в том числе в статье, опубликованной 22 июня 2021 г. в газете «Ди Цайт»³.

Современный дискурс стратегической автономии

Несмотря на достаточно популярную точку зрения, что евроатлантизм возвращает свои позиции в соревновании со своими идейными противниками после прихода к власти в США Дж. Байдена, она отражает реалии лишь частично. Действительно, США по ряду вопросов вернулись к многосторонним механизмам принятия решений, к риторике трансатлантической солидарности, отказавшись от наиболее эксцентричных действий Д. Трампа. Однако иные магистральные направления американской внешней политики, отражающие изменения в их стратегических приоритетах, остаются неизменными.

Для значительной части европейских политиков и мозговых центров уже в конце 2020 г. было достаточно очевидно, что уход Трампа не означал возвращения трансатлантических отношений к прежним временам [Biscop, Gromyko]. О том, что место Европы снижается в списке приоритетов Вашингтона, не раз говорили ведущие лица ЕС, включая Меркель и Макрона. Меняется мир, и вместе с ним меняются Европа и США. Очевидно, что американское общество остаётся глубоко разделённым по расовому и партийному признакам, а политическая система во многом дисфункциональна. Мало кто возьмётся предсказать исход следующих президентских выборов. В этно-демографическом балансе европейская составляющая в населении США снижается. Геостратегически Китай, Юго-Восточная Азия, а не Европа будут всё больше поглощать внимание Вашингтона в предстоящие годы и десятилетия. Накопившиеся проблемы в развитии ЕС и США, усугублённые пандемией, будут и дальше заставлять их заниматься в первую очередь внутренними проблемами.

С учётом брежита в категории государств «первой лиги» Евросоюза остались Франция и Германия. В отсутствии Лондона решение большинства ключевых вопросов о будущем объединения вновь, как когда-то, зависит от динамики в германо-французской связке. Париж и Берлин действуют как в тандеме, так и в столкновении мнений. Двусторонний Ахенский договор, заключённый в январе

¹ Discours à la Conférence des Ambassadeurs. 27.08.2019. URL: <https://youtu.be/QOFCvf1AGvE> (дата обращения: 27.06.2021)

² Emmanuel Macron in his own words. 07.11.2019. URL: <https://www.economist.com/europe/2019/11/07/emmanuel-macron-in-his-own-words-english> (дата обращения: 27.06.2021)

³ Статья Владимира Путина «Быть открытыми, несмотря на прошлое». 22.06.2021. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65899> (дата обращения: 27.06.2021)

2019 г., продемонстрировал центростремительный потенциал тандема. В то же время франко-германские разногласия, например, по вопросу «обобществления долгов» в ЕС, долгое время были точкой взаимной напряжённости. Важно отметить, что Ахенским договором его подписанты обозначили дальнейшие ориентиры для ЕС, значительно усилив статью о взаимной помощи по сравнению как со статьёй 42(7) Лиссабонского договора, так и со статьёй 5 Североатлантического договора.

В дискурсе о становлении военно-политической субъектности ЕС упор на действия его стран-членов представляется обоснованным, ведь сфера обороны и безопасности остаётся наиболее опекаемой и оберегаемой с точки зрения национального суверенитета. Следовательно, инициативность или бездействие национальных государств, их готовность потратить политический капитал или занять выжидательную позицию, политическое лидерство или стремление переложить ответственность на других будут определять будущее стратегической автономии ЕС.

Среди европейских интеллектуалов, особенно в самой Германии, разгорелось соревнование по «перетягиванию каната» – должна ли она стать главным проводником усиления самостоятельности ЕС на международной арене или, напротив, – главной опорой США в Европе в свете ребалансировки стратегических приоритетов Вашингтона. Учитывая по традиции особую позицию Парижа в отношении своего международного статуса, воззрения президента Э. Макрона, сохранение сильных голлистских внешнеполитических традиций, главным объектом интереса атлантистов стала Германия. На верхнем политическом уровне наиболее рельефным воплощением столкновения мнений о взаимоотношениях ЕС и США в сфере обороны и безопасности служат высказывания министра обороны ФРГ и публичное несогласие с ней президента Франции. А. Крамп-Карренбауэр не раз критически отзывалась о принципе стратегической автономии, в то время как Э. Макрон позволял себе говорить о «смерти мозга» НАТО.

Европейские атлантисты рассчитывают на новую трансатлантическую сделку ЕС и США, в которой Германия должна сыграть ведущую роль. Они не отрицают, что Вашингтон будет и дальше сосредотачиваться на азиатском регионе, но предпочитают обозначать этот процесс термином «благожелательное игнорирование» [Fix, Keil, 2021: 2] вместо «стратегическая расстыковка». То, что атлантисты предлагают Германии, можно охарактеризовать как почётное первое место в геополитической тени «вернувшихся в Европу» Соединённых Штатов. Платой за это должна стать своеобразная трактовка понятия «германского лидерства» – жёсткий подход к России, Китаю, рост военных расходов, отказ от проекта «Северный поток 2». Другими словами, в данной интерпретации успех в обретении лидерства зависит от того, насколько удачно Берлин встроится в новые внешнеполитические приоритеты США. Эту точку зрения можно рассматривать как ответвление представлений атлантистов о том, что Общая политика безопасности и обороны ЕС должна развиваться строго в русле философии «европейской опоры НАТО».

В каком направлении пойдут развитие внешней политики Германии и её представления о собственных и европейских интересах, будет во многом зависеть от общественного мнения. На последнее, в свою очередь, окажут влияние результаты выборов в бундестаг в сентябре 2021 г. и дальнейшая работа с общественным мнe-

нием нового коалиционного правительства и нового канцлера¹. Немцы разделены по вопросам и внешней политики, и взаимоотношений с США. Согласно данным фонда Кёрбера, 82% немцев считают, что Германия должна занять нейтральную позицию в случае холодной войны между США и Китаем; 51% – что Германия и Европа должны стать более независимыми от США; 43% – что главным внешнеполитическим партнёром Германии является Франция (только 23% говорят то же о США) [Berlin Pulse].

Совсем иной взгляд на желательное будущее ЕС как субъекта международных отношений предлагает современное европочвенничество. Его сторонники, оперируя теми же предпосылками, что и евроатлантисты, например, о необходимости увеличения оборонных расходов, о пересмотре культуры военной сдержанности Германии, приходят к прямо противоположным выводам. Со времени выхода Глобальной стратегии ЕС в июне 2016 г. дискурс о стратегической автономии продвинулся далеко вперёд и продолжился после прихода в Белый дом Дж. Байдена. Саммиты НАТО и Евросоюза в июне 2021 г., при всей их трансатлантической риторике, не застопорили эту тенденцию, хотя приглушили голоса сторонников самостоятельности ЕС.

Концепция стратегической автономии за последние годы приобрела множество составляющих: оборонную, промышленную, технологическую, цифровую, инфраструктурную, информационную и др. (согласно лексике европочвенников – «инструменты объединённого суверенитета»). Выделение в новом семилетнем бюджете ЕС значительно меньших средств, чем ожидалось, на программы Общей политики безопасности и обороны стало фактором торможения дискуссий о военно-политической самостоятельности, что, однако, компенсируется развитием элементов автономии в других сферах. Одновременно все больше стран-членов НАТО, одновременно входящих в ЕС, увеличивают оборонные расходы в соответствии с решениями саммита Альянса в 2014 г. в Уэльсе и требованиями Вашингтона. Но в этом есть и скрытая повестка европейцев. Меркантильные резоны США в политике «двух процентов» очевидны – нарастить продажи продукции американского ВПК в Европе. Однако это не означает, что в будущем свои возросшие военные расходы европейцы не смогут использовать для создания более интегрированного рынка вооружений в самом ЕС.

Развитие дискурса о стратегической автономии постоянно подпитывалось в последние годы высказываниями на самом высоком уровне. Например, в мае 2018 г. А. Меркель заявила на церемонии вручения премии Карла Великого президенту Франции, что ожидать от Соединённых Штатов безусловной военной защиты больше не приходится, и что Европа должна взять решение судьбоносных вопросов в собственные руки. В следующем году там же, в Ахене, Париж и Берлин учредили двусторонний совет по обороне и безопасности в рамках нового договора. В то же время канцлер Германии не раз перемежала свои высказывания в пользу оборонного союза ЕС тезисами о необходимости в обозримом будущем полагаться в области безопасности на трансатлантические механизмы, о снижении роли ЕС в мире, как она это сделала в интервью газете «Файненшл Таймс» в январе 2020 г. [Merkel,

¹ О прогнозах внешней политики Германии в зависимости от состава следующей правящей коалиции см.: [Белов, 2021].

9 January 2020; Данилов, 2020: 17–23] Политическим тяжеловесом, последовательно выступающим за укрепление роли Германии в вопросах оборонной политики, является председатель бундестага В. Шойбле.

Постоянные импульсы в поддержку принципа стратегической автономии исходили из Франции, которая осталась единственной ядерной державой – членом ЕС после выхода из его состава Британии. Речь идёт об «инициативе по вмешательству» 2017 года, о жёсткой критике НАТО после обострения отношений Франции с Турцией в 2019 году. Особенно следует отметить ряд тезисов в речи Э. Макрона в феврале 2020 г. в Военной школе Парижа, в состав которой входят Военная академия и Высшая школа офицеров Генерального штаба¹. Это выступление представляет наиболее полное изложение взглядов президента Франции по вопросам стратегической стабильности, включая аспект военно-политической субъектности ЕС.

В мировой политике, по мнению Макрона, складывается новая иерархия сил, что влечёт за собой развёртывание неограниченного стратегического противоборства. Главным структурным элементом международных отношений становится соперничество США и Китая. В этих условиях ЕС должен выйти из привычной комфортной зоны (опоры исключительно на оборонные гарантии США) и развивать собственные возможности по противодействию угрозам с юга и востока. Президент Франции говорит об оборонном потенциале ЕС как о европейской опоре НАТО, но одновременно называет Североатлантический альянс и ОПБО двумя опорами европейской коллективной обороны. Трудно сказать, руководствовался ли сам Макрон, комбинируя эти переплетающиеся, но не совпадающие концепции, историей, но в евроатлантическом дискурсе одним из первых проблематику симметричности в отношениях США и ЕС затронул Дж. Кеннеди в 1962 г.² Выступая 4 июля в Филадельфии по случаю Дня независимости, американский президент заявил, что США воспринимают «объединённую Европу» как равного партнёра, а не соперника, и что она может сыграть значительную роль в «совместной обороне». Более того, Кеннеди предложил задуматься о заключении сторонами своей собственной Декларации независимости как основы формирования атлантического партнёрства.

Тезис в речи Макрона в Военной школе, который привлёк наибольшее внимание специалистов, касался ядерного оружия. Изложение его логики состояло в следующем. Жизненноважные интересы Франции в области безопасности имеют прежде всего европейское измерение. Париж заинтересован в стратегическом диалоге с теми партнёрами в ЕС, которые желают в нём участвовать. Сутью диалога является роль французского ядерного потенциала сдерживания в укреплении коллективной обороны. Заинтересованным странам ЕС предлагается рассмотреть вопрос о формах участия в военных учениях стратегических сил Пятой Республики. Такое взаимодействие будет вносить свою лепту в развитие общей стратегической культуры Евросоюза. Добавим к этому, что как во Франции, так и в Германии, форми-

¹ E. Macron. Speech of the President of the Republic on the Defence and Deterrence Strategy. 7 February 2020. URL: <https://www.elysee.fr/en/emmanuel-macron/2020/02/07/speech-of-the-president-of-the-republic-on-the-defense-and-deterrence-strategy> (дата обращения: 20.06.2021)

² Address at Independence Hall, Philadelphia, Pennsylvania, July 4, 1962. JFK Library. URL: <https://www.jfklibrary.org/archives/other-resources/john-f-kennedy-speeches/philadelphia-pa-19620704> (дата обращения: 20.06.2021)

рование общей стратегической культуры считается среди сторонников создания оборонного союза ЕС одной из ключевых предпосылок.

И вновь, сказанное Макроном в феврале 2020 г. было «хорошо забытым старым». Ещё в 1994 г. в Белой книге по вопросам обороны и национальной безопасности Франции – документ, в котором, как и в ряде других стран, формулируются доктринальные установки в военной сфере, – говорилось, что отсутствие европейского ядерного потенциала сделало бы невозможным европейскую оборонную автономию¹. Суть этой мысли состояла в том, что военная автономия, тем более суверенитет, не достижимы без наличия собственного военного потенциала, как обычного, так и ядерного. Тогда, в 1994 г., под стратегическим потенциалом понимались возможности Франции и Британии. Теперь же, после брежневизма, Франция продолжила продвигать те же идеи, но имея в виду только свои ядерные средства. Кроме того, Париж ясно давал понять, что категория «европейская оборонная автономия» применима к рассуждениям о Евросоюзе, но не о европейском измерении НАТО. Напомним, что при Н. Саркози страна возобновила своё членство в военных структурах Альянса, из которых её вывел в 1966 г. генерал де Голль, но Франция не вернулась в Группу ядерного планирования блока.

В ЕС выступление Макрона, особенно возвращение к теме использования ядерного потенциала Франции для формирования общей стратегической культуры, получило сильный резонанс. И понятно почему – ведь при всех подвижках в вопросах стратегической автономии крайне медленное вызревание военно-политической субъектности ЕС остаётся его ахиллесовой пятой. Но и для апологетов оборонного союза очевидно, что необходимо найти формулу, которая позволила бы примирить традиционные представления европейских союзников США о натоцентричности безопасности с необходимостью создания своего собственного потенциала «жёсткой силы», другими словами – как обрести стратегическую автономию, не разрушая НАТО и не антагонизируя Вашингтон.

Для решения этой задачи в кругах европочвенников выдвигается формула, которую можно рассматривать как частный случай концепции «двухъядерного Запада», – равенство суверенитетов в рамках НАТО, то есть симметричная взаимозависимость ЕС и США в военно-политической сфере. Задачей минимум для достижения такой симметричности является интеграция военно-промышленных комплексов стран-членов ЕС с параллельным выходом на общую «стратегическую культуру» и создание наднациональных оперативных военных структур и единое военное планирование [Громыко, 2019: 6–28]; задачей максимум – европеизация ядерных сил Франции при сохранении ядерной кнопки в руках её президента² (концепция «интегрированного сдерживания»)³. Фактически, в случае достижения этой цели

¹ Livre blanc sur la defense et la securite nationale 1994. P. 56. URL: <https://drive.google.com/file/d/1NFkeJomQTQw-YSHiVjusc0kITTCLdXNW/view> (дата обращения: 20.06.2021)

² В противном случае Франция нарушила бы Договор о нераспространении ядерного оружия. По этой же причине США сохраняют полный суверенитет над своим ядерным арсеналом, несмотря на деятельность Группы ядерного планирования НАТО.

³ Одно из наиболее полных изложений взглядов на концепцию «интегрированного сдерживания» см. [Lübke-meier].

Париж занял бы место Вашингтона в качестве ядерного гаранта безопасности ЕС, но с одной существенной разницей.

Доктринально США осуществляют в отношении европейских союзников функцию «расширенного сдерживания» (extended deterrence), которую никогда не брали на себя Франция или Британия. Речь идёт о ядерном сдерживании, вынесенном за территорию самой ядерной державы. Но «расширенное сдерживание» для защиты союзников не является гарантированным в отличие от «первостепенного сдерживания» (primary/homeland deterrence), применяемого для защиты своей собственной территории. Поэтому всегда в военном планировании США только межконтинентальные ядерные баллистические ракеты считались стратегическими, в отличие, например, от собственных «Першинг II» или от советских ядерных ракет средней и меньшей дальности, которые угрожали европейским союзникам Вашингтона в 1980-е гг. Теоретически, в случае замены американского ядерного зонтика на французский, ЕС получил бы впервые в истории потенциал гарантированного (первостепенного) сдерживания.

Торговые и цифровые аспекты европоцентризма

Интересы ЕС, его стран-членов расходятся с США по широкому кругу вопросов далеко за рамками военно-политической сферы. Одна из дилемм, с которой новый американский президент и его команда оказались у власти, заключалась в том, как совместить предвыборные заявления Дж. Байдена о стремлении восстановить отношения с европейскими союзниками и продолжение жёсткой линии в отношении России. Вновь, как при Д. Трампе, в центре этой коллизии оказалась Германия и подводный газопровод «Северный поток 2» (СП2).

Начало президентства Дж. Байдена не предвещало Берлину существенных подвижек в этом вопросе. В конце января 2021 г., через несколько дней после инаугурации Байдена, министерство экономики Германии получило уведомление от американской стороны о новом раунде санкций против «Северного потока 2». В ответ Берлин в очередной раз заявил о коммерческом характере проекта как о своей неизменной позиции. И в очередной раз ряд европейских компаний, участвовавших в проекте, были выдвинуты из него под угрозой экстерриториальных (вторичных) санкций, в том числе Цюрихская страховая группа (Zurich Insurance Group). Незадолго перед саммитом В.В. Путина и Дж. Байдена в Женеве США пошли на некоторое ослабление санкционного давления на СП2. Однако вскоре на встрече в Вашингтоне между У. Шерман, заместителем госсекретаря США, и М. Бергером, статс-секретарём МИД Германии, политическая позиция американцев, направленная против СП2, была подтверждена.

В целом политика экстерриториальных санкций США, длительное и агрессивное давление Вашингтона на европейский бизнес в последние годы привели к тому, что Еврокомиссия приняла решение о подготовке специального доклада, посвящённого защите финансовых и экономических структур ЕС от внешних угроз, в первую очередь с помощью укрепления роли евро и дедолларизации. Выход доклада ожидается к концу 2021 г. Изначальной мотивацией для реальных действий Брюсселя по защите интересов европейского бизнеса перед лицом американских санкций стало поведение США после их выхода в 2018 г. из Совместного всеобъемлющего плана действий – международного соглашения, заключённого постоян-

ными членами Совета Безопасности ООН и Германией с Ираном тремя годами ранее и ограничивающего ядерную программу Тегерана. Однако с большим трудом созданный в 2019 г. на базе «блокирующего регламента» ЕС механизм поддержки торговых обменов (Instrument for Supporting Trade Exchanges, INSTEX) для защиты интересов европейских компаний, торгующих с Ираном, имел в основном символическое значение и способствовал совершению лишь одной сделки (в марте 2020 г. для доставки в Иран медицинского оборудования по лечению больных COVID-19).

Обращало на себя внимание и то, что запустили работу INSTEX Франция, Германия и Британия, а не ЕС в целом. В то же время перспективность такого рода защитных мер продемонстрировало последовавшее подключение к механизму поддержки торговых обменов ещё шести стран (Бельгия, Дания, Финляндия, Нидерланды, Швеция, а также Норвегия). Признание неспособности европейцев на нынешнем этапе противостоять санкционному давлению США и низкой эффективности INSTEX содержалось в докладе главного мозгового центра законодательного органа ЕС – Исследовательской службы Европарламента (European Parliamentary Research Service). Среди рекомендаций авторов документа значится дальнейшее укрепление инструментов защиты европейских торговых операций [Suzana Anghel, 2020: 3, 11].

Из экспертных докладов и аналитических выкладок [Tooze, A., Odendahl, 2018] намерения защищать евро и финансовую систему ЕС от геополитического давления и недобросовестной конкуренции, в том числе со стороны США, стали перемещаться в официальные документы. Этому активно способствовали три фактора. Во-первых, со временем обозначились плюсы и слабые места в деятельности INSTEX. Во-вторых, в последние годы систематический характер приняло противодействие США проекту «Северный поток 2», что вызывало в ряде стран ЕС, особенно в Германии, всё более сильное неприятие и накладывалось на раздражение из-за выхода США из «ядерной сделки» с Ираном. В-третьих, несмотря на смену Администрации в Вашингтоне, Евросоюз продолжал по нескольким направлениям работу, направленную на продвижение принципа «стратегической автономии» – центрально-го в Глобальной стратегии ЕС 2016 года.

Призывы к укреплению роли евро как составляющей сильного и самостоятельного Евросоюза стали постоянно звучать в годы пребывания на посту председателя Еврокомиссии Ж.-К. Юнкера [Juncker, 2018; Towards a stronger international... 5 December 2018; European Council, Statement of the Euro Summit, 14 December 2018]. Об использовании финансовых рычагов во внешней политике США высказались и представители руководства Европейского центрального банка. Например, Бенуа Кёре, член правления ЕЦБ, заявил в феврале 2019 г.: ««В сложившейся ситуации быть эмитентом мировой резервной валюты означает обладать международными прерогативами, в частности превращать в инструмент принуждения доступ к финансовым и платёжным системам. ... Сдвиги в системе глобального управления укрепили точку зрения, что ЕС становится более уязвимым к внешним монетарным воздействиям, которые используются не в его интересах, а порой и против них»¹.

¹ Cœuré Benoît. The euro's global role in a changing world: a monetary policy perspective. Speech at the Council on Foreign Relations, New York City, 15 February 2019. URL: <https://www.ecb.europa.eu/press/key/date/2019/html/ecb.sp190215~15c89d887b.en.htm> (дата обращения: 21.06.2021)

Также выявлена сильная корреляция международных позиций определённой валюты и военной мощи её эмитента. Так, в валютных резервах государств, которые полагаются на гарантии безопасности США, доллар занимает непропорционально высокую долю. С учётом этого идею оборонного союза ЕС также можно охарактеризовать как одну из предпосылок превращения евро в мировую резервную валюту, равную доллару.

На официальном уровне в Евросоюзе дискуссий о распространении практики защиты торговых отношений с Ираном на торговые отношения с Россией не было, хотя в экспертной среде такие идеи высказывались. В январе 2021 г. Еврокомиссия выступила с коммюнике, посвящённом экономической и финансовой системе Евросоюза. В нём США напрямую не называются, однако по сути именно борьбе с экстерриториальным характером американских санкций посвящена часть документа. Например, сказано, что ЕС должен разработать меры по защите европейских операторов в случае, если «третья страна принуждает базирующуюся в ЕС инфраструктуру финансовых рынков ЕС подчиняться её односторонним санкциям». Также в коммюнике содержится намёк на INSTEX и его возможные вариации в контексте пассажа о необходимости рассмотреть различные модели защиты европейского бизнеса [Communication from the Commission... 19.1.21. P. 13].

Таким образом, возникает ситуация, когда разногласия между европейцами и США по отличным на первый взгляд сюжетам, как иранская ядерная сделка и строительство СП2, предстают взаимосвязанными сторонами одного процесса – стратегической расстыковки, имеющей свою политическую и экономическую подоплёку. Причём объективные интересы торговой, валютной, энергетической безопасности Евросоюза говорят об искусственности попыток Вашингтона предложить европейцам новую, а фактически перелицованную картину мира, разделённого на «демократии» и «авторитарные режимы». Более того, заручиться солидарностью европейцев с таким ценностным упрощением предлагается за их же счёт, будь то торговые отношения с Тегераном или Россией.

На деле речь идёт о много большем, нежели чем о сугубо коммерческих соображениях. В случае с защитой интересов европейцев в отношении Ирана Евросоюз одновременно отстаивает СВПД, смысл которого – в предотвращении дальнейшего расползания ядерного оружия по планете. В случае с защитой интересов ряда стран-членов ЕС в отношении СП2 – на кону во многом перспективы «озеленения» экономики ЕС, как и предотвращение нарастания геополитической конфронтации с Россией. А это вопрос большой политики и безопасности, выходящий далеко за рамки торгового меркантилизма.

Другим примером структурного дрейфа США и ЕС в разные стороны служит сфера цифровой экономики. Обстоятельства, связанные с избранием Дж. Байдена, не только не изменили отношение европейцев к американским цифровым гигантам, но, напротив, привели к росту обеспокоенности их деятельностью из-за сопутствующих проблем монополизма и нечистоплотного использования персональных данных. Особенную насторожённость в ЕС вызвало то, как крупнейшие американские интернет-компании и технологические платформы проявили себя на пике политического кризиса в США в январе 2021 г. Решение руководства «Фейсбук» и «Твиттер» заблокировать аккаунты Д. Трампа без каких-либо судебных постанов-

лений произвело в ЕС сильное отрицательное впечатление, несмотря на всё неприятие бывшего американского президента.

В развернувшейся на эту тему широкой полемике большое внимание привлекло открытое письмо Матиаса Дёпфнера на имя У. фон дер Ляйен и её встречный ответ. Генеральный директор «Axel Springer SE» – одного из крупнейших европейских медиаконцернов – заявил, что от американских цифровых гигантов (и вскользь – их китайских аналогов) исходит большая опасность, чем от COVID-19, и обвинил их в «поведенческом таргетировании» и «надзирательском капитализме». По его мнению, блокируя аккаунты Трампа, соответствующие компании поставили себя выше закона и демократических институтов¹. В своём ответе председатель Еврокомиссии согласилась с необходимостью сдерживать власть интернет-компаний и противодействовать тёмной стороне социальных сетей, приведя, правда, в пример «штурм Капитолия» в Вашингтоне 6 января 2021 г. Но даже она, будучи последовательной сторонницей евроатлантизма, посчитала блокировку аккаунтов Трампа нарушением права на свободу мнения².

В январе 2021 г. действия интернет-компаний, направленные против Трампа, как и закрытие тысяч аккаунтов и сайтов его единомышленников, были на руку Демократической партии. Поэтому заметной реакции демократов на обеспокоенность европейцев по поводу «цифрового самосуда» в США не последовало. По иронии судьбы именно Трамп ранее отстаивал интересы американских IT-гигантов, угрожая Евросоюзу новой торговой войной в случае обложения их новыми налогами. Но теперь, в отличие от времён бывшего президента-республиканца, по обе стороны Атлантики тема цифрового налога [Билотта, 2020: 30–47] получила развитие, тем более что она укладывается в более широкую повестку Белого дома по лоббированию глобального корпоративного налога.

В июне 2021 г. в палате представителей конгресса США была обнародована серия законопроектов, направленных на изменение бизнес-модели технологических компаний³. Работа по их подготовке основывалась на результатах длительного исследования, проведённого группой по антимонопольному регулированию Юридического комитета палаты представителей. В итоговом докладе содержался вывод, что компании «Гугл», «Амазон», «Фейсбук» и «Эппл» (GAFA) занимают монопольное положение на рынке и злоупотребляют им, нанося ущерб принципу свободной конкуренции⁴. Параллельно с этим ЕС наращивал усилия по борьбе со зло-

¹ Totale Transparenz endet immer totalitär. URL: www.welt.de/wirtschaft/article225103061/Mathias-Doepfner-Totale-Transparenz-endet-immer-totalitaer.html (дата обращения: 17.06.2021)

² Wir müssen die Macht der Internetkonzerne demokratisch einhegen. URL: www.welt.de/kommentare/article225210905/Von-der-Leyen-Wir-muesse-die-Macht-der-Internetkonzerne-einhegen.html (дата обращения: 17.06.2021)

³ House lawmakers introduce Big Tech bills that could break up Amazon, Google and others. URL: <https://www.cnn.com/2021/06/11/tech/house-tech-antitrust-bills/index.html> (дата обращения: 17.06.2021)

⁴ Investigation of competition in digital markets. URL: https://judiciary.house.gov/uploadedfiles/competition_in_digital_markets.pdf (дата обращения: 17.06.2021)

употреблениями IT-компаний в русле Общего регламента по защите данных, вступившего в силу в 2018 г. (General Data Protection Regulation). В том же июне 2021 г. Европейский суд постановил, что технологические компании, базирующиеся в одной стране Евросоюза, могут привлекаться к ответственности национальным ведомством по защите персональных данных другой страны-члена ЕС¹. Это решение закрывало одну из лазеек в законодательстве ЕС, которой пользовались «титаны Кремниевой долины».

Как и в приведённом выше примере, связанном с «иранской ядерной сделкой» и СП2, в сфере цифровой экономики количество противоречий между политическими и экономическими агентами по обе стороны Атлантики не уменьшается. Определённое движение в США к урезанию прав и доходов цифровых гигантов также прослеживается, но вряд ли выйдет за рамки соображений налогообложения. Для ЕС же это вопрос иного порядка, связанный с правами и свободами человека, а также с защитой конкурентоспособности единого рынка.

* * *

Развитие субъектности Евросоюза всегда в его истории происходило в многоскопном режиме, среди вариаций которого присутствует и «задняя передача». Успехи, перемежающиеся с регрессом, приходили в сферах торговли, экономики, свободы передвижения, валюты, постепенной интеграции кредитно-денежной и фискальной политики. Президентство Д. Трампа, брекзит, пандемия COVID-19 обнажили дефекты в конструкции ЕС, но одновременно подтолкнули его дальнейшую интеграцию по вопросам промышленной политики, цифровой экономики, торгового и валютного суверенитета, перераспределения внутренних ресурсов («трансфертный союз»).

Общая внешняя и оборонная политика, до сих пор являясь наименьшим общим знаменателем, остаётся уязвимым местом в функционировании ЕС. Здесь в наибольшей мере проявляются противоречия между евроатлантистами и европочвенниками, стагнирует становление внешнеполитической и оборонной субъектности. В то же время принцип стратегической автономии, при всех трудностях его воплощения в жизнь, придал качественно новую динамику этому процессу, обеспечив его неким целеполаганием и стимулировав формирование общей стратегической культуры. Как никогда высока роль Франции и Германии в том, будут ли преодолены названные проблемы.

Пестрота национальных идентичностей, разнообразие исторического опыта и географического расположения стран-членов, соседство стратегических навыков одних с провинциализмом других мешают Евросоюзу проводить сбалансированную, последовательную и предсказуемую внешнюю политику, в том числе в отношении России и Китая. Действия Брюсселя, как и ряда стран-членов ЕС, порой импульсивны, иррациональны и агрессивны, что лишь приводит к усугублению проблем на мировой арене.

¹ Court of Justice of the European Union. PRESS RELEASE No 103/21. Luxembourg, 15 June 2021. URL: <https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2021-06/cp210103en.pdf> (дата обращения: 17.06.2021)

Манера и обстоятельства вывода американских войск из Афганистана стали очередным болезненным напоминанием, что чрезмерная зависимость от США в вопросах международной безопасности чревата ущемлением интересов европейцев и всё чаще – их унижением. События в Кабуле продемонстрировали, что отличий между внешней политикой Трампа и Байдена не так много, как казалось в первые месяцы 2021 г., и что Вашингтон всё меньше интересуется мнение его союзников. Встаёт вопрос о том, что выберут европейцы после очередного горького афганского урока – продолжить курс на стратегическую автономию или, проглотив обиду, в связке с США и дальше нагнетать напряжённость в отношениях с Россией и Китаем.

Будущее структуры международных отношений сильно зависит от того, самостоятельное или соподчинённое место в ней займёт ЕС, внесёт ли он вклад в становление устойчивой многосторонности и согласованного полицентризма или будет плыть по течению набирающего обороты жёсткого и во многом спровоцированного «двухъядерным Западом» соперничества ведущих центров силы.

Список литературы

- Актуальные проблемы Европы (2020), № 4.
- Белов В.Б. (2021) Основные кандидаты на пост канцлера Германии определены: неопределённость остаётся. *Журнал «Аналитические записки Института Европы РАН»*, № 11. <http://www.zapiski-ieran.ru/images/analitika/2021/an241.pdf> (дата обращения: 19.06.2021)
- Билотта Н. (2020) Что стоит за цифровым налогом: вызовы борьбы Европейского союза за технологический суверенитет. *Вестник международных организаций*, Том 15, № 4. Высшая школа экономики. Москва, Россия. С. 30–47.
- Большая Европа: идеи, реальность, перспективы (2014) Под ред. Громыко Ал.А., Фёдоров В.П. Институт Европы РАН, Изд. «Весь мир», Москва, Россия. 704 с.
- Будущее Большой Европы. Перспективы развития макрорегиона (2020). Под ред. Ведерникова М.В., Ивановой А.К. ИЕ РАН, Изд. «Нестор-История», Москва, Россия. 316 с.
- Государство в политической науке и социальной реальности XXI века (2020) Отв. ред. Семененко И.С. Изд. «Весь мир», Москва, Россия. 384 с.
- Громыко Ал.А. (2019) Дилеммы Европейского оборонного союза. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 12, № 2. С. 6–28.
- Громыко Ал.А. (2018) Расколотый Запад: последствия для Евroatлантики. *Современная Европа*, № 4. С. 5–16. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420180516>
- Данилов Д.А. (2020) «Европейская ответственность» в геополитической картине А. Меркель. *Научно-аналитический Вестник ИЕ РАН*, № 1. С. 17–23. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran120201723>
- Европа между трёх океанов. (2019) Под ред. Громыко Ал.А., Фёдоров В.П. Институт Европы РАН, Изд. «Весь мир», Москва, Россия. 608 с.
- «Европейская оборона» в контексте евро-атлантической безопасности. (2020) ИНИОН РАН, Москва, Россия.
- Истомин И.А. (2020) Вызовы регулированию военно-политического соперничества в Европе. Глава 9. В: Будущее мировой политики: технологии, конфликты, институты. Под ред. Сушенцова А.А. и др. Изд. «Весь мир», Москва, Россия. С. 207–219.
- Россия в многообразии цивилизаций. (2011) Под ред. Шмелёва В.П. Институт Европы РАН, Изд. «Весь мир», Москва, Россия. 896 с.
- Стратегическая автономия ЕС и перспективы сотрудничества с Россией. (2020) Под ред. Арбатовой Н.К., Кокеева А.М. Изд. «Весь мир», Москва, Россия. 368 с.
- Трансформация политики США при Д. Трампе на европейском направлении. (2020) Часть 6. В: Феномен Трампа. Под ред. Кузнецова А.В. ИНИОН, Москва, Россия. С. 466–534.
- Шумилин А.И. (2020) Евroatлантическая солидарность после Трампа. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*, № 6. С. 14–21. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran620201421>

Щербак И.Н. (2021) Стратегическая автономия Евросоюза на перепутье. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*, № 2. С. 34–40. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran202013440>

References

- Aktual'nye problemy Evropy (2020) [Topical Problems of Europe], No 4. (in Russ.).
- Balfour R., Against a European Civilization: Narratives About the European Union. Carnegie Europe, 6 April 2021. URL: <https://carnegieeurope.eu/2021/04/06/against-european-civilization-narratives-about-european-union-pub-84229> (accessed: 21.06.2021).
- Berlin Pulse 2020/2021. German Foreign Policy in Perspective. Körber-Stiftung, November 2020. URL: https://www.koerber-stiftung.de/fileadmin/user_upload/koerber-stiftung/redaktion/the-berlin-pulse/pdf/2020/The-Berlin-Pulse_2020-21.pdf (accessed: 21.06.2021).
- Belov V.B. (2021) Osnovnye kandidaty na post kanclera Germanii opredeleny: neopredelyonnost' ostayotsya [The main candidates for the post of German Chancellor have been identified: uncertainty remains]. *Zhurnal «Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN»*, No 11. <http://www.zapiski-ieran.ru/images/analitika/2021/an241.pdf> (accessed: 19.06.2021) (in Russ.).
- Bilotta N. (2020) Chto stoit za cifrovym nalogom: vyzovy bor'by Evropejskogo soyuza za tekhnologicheskij suverenitet [What's Behind the Digital Tax: Challenges in the European Union's Struggle for Technological Sovereignty]. *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij*, Vol. 15, No 4. Vysshaya shkola ekonomiki. Moscow, Russia, pp. 30–47. (in Russ.).
- Biscop S., Gromyko A.I., ed. Biden's World? Views from the United States, China, Russia, and the European Union. Egmont, Security Policy Brief, No 132, December 2020. URL: <https://www.instituteofeurope.ru/images/stories/structura/gromyko/2020/spb1.pdf> (accessed: 21.06.2021).
- Bol'shaya Evropa: idei, real'nost', perspektivy (2014) [Greater Europe: Ideas, Reality, Prospects]. Pod red. Gromyko A.I.A., Fyodorov V.P. Institut Evropy RAN, Izd. «Ves' mir», Moscow, Russia. 704 p. (in Russ.).
- Boniface P. (2020) Géopolitique du Covid-19. Ce que nous révèle la crise du coronavirus. Préface de Reselyne Bachelot. Éditions Eurolles, Paris, 2020.
- Budushchee Bol'shoj Evropy. Perspektivy razvitiya makroregiona (2020) [The future of Greater Europe. Prospects for the development of the macroregion]. Pod red. Vedernikova M.V., Ivanovoj A.K. IE RAN, Izd. «Nestor-Istoriya», Moscow, Russia. 316 p. (in Russ.).
- Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Central Bank, the European Economic and Social Committee of the Regions. (2021) The European economic and financial system: fostering openness, strength and resilience. European Commission, Com(2021) 32 final, 19.1.21. P. 13.
- Danilov D.A. (2020) “Evropejskaya otvetstvennost'” v geopoliticheskoy kartine A. Merkel' [“European responsibility” in the geopolitical picture A. Merkel]. *Nauchno-analiticheskij Vestnik IE RAN*, No 1, pp. 17–23. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran120201723> (in Russ.).
- European Council, Statement of the Euro Summit, 14 December 2018.
- Evropa mezhdru tryoh okeanov. (2019) [Europe between three oceans]. Pod red. Gromyko A.I.A., Fyodorov V.P. Institut Evropy RAN, Izd. «Ves' mir», Moscow, Russia. 608 p. (in Russ.).
- «Evropejskaya oborona» v kontekste evro-atlanticheskoy bezopasnosti. (2020) [“European defense” in the context of Euro-Atlantic security]. INION RAN, Moscow, Russia. (in Russ.).
- Fix L., Keil S. (2021) Germany's Last Chance to Partner with the United States in Leadership? The German Marshall Fund. Policy Brief, March 2021. P. 2.
- Gosudarstvo v politicheskoy nauke i social'noj real'nosti XXI veka (2020) [State in political science and social reality of the XXI century]. Otv. red. Semenenko I.S. Izd. «Ves' mir», Moscow, Russia. 384 p. (in Russ.).
- Gromyko A.I.A. (2019) Dilemmy Evropejskogo oboronno go soyuza [Dilemmas of the European Defense Union]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo*. Vol. 12, No 2, pp. 6–28. (in Russ.).
- Gromyko A.I.A. (2018) Raskolotyj Zapad: posledstviya dlya Evroatlantiki [The Broken West: Implications for the Euro-Atlantic]. *Sovremennaya Evropa*, No 4, pp. 5–16. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420180516> (in Russ.).
- Istomin I.A. (2020) Vyzovy regulirovaniyu voenno-politicheskogo sopernichestva v Evrope [Challenges to the regulation of military-political rivalry in Europe]. Glava 9. V: Budushchee mirovoj politiki: tekhnologii, konflikty, instituty. Pod red. Sushencova A.A. i dr. Izd. «Ves' mir», Moscow, Russia, pp. 207–219. (in Russ.).
- Juncker, The Hour of European Sovereignty, State of the Union Address 2018.

Lübckemeier E. Standing on Our Own Feet? Opportunities and Risks of European Self-Defence. SWP Research Paper 1. February 2021. URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/research_papers/2021RP01_EuropeanSelfDefence.pdf (accessed: 21.06.2021).

Merkel A. (2020) Europe is no longer at the centre of world events. Financial Times, 9 January 2020.

Rifkin J. (2004) The European Dream. Tarcher/Penguin, 2004. 448 p.

Rossiia v mnogoobrazii civilizacij. (2011) [Russia in a variety of civilizations]. Pod red. Shmelyova V.P. Institut Evropy RAN, Izd. «Ves' mir», Moscow, Russia. 896 p. (in Russ.).

Shcherbak I.N. (2021) Strategicheskaya avtonomiya Evrosoyuza na pereput'e [Strategic autonomy of the European Union at a crossroads]. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, No 2, pp. 34–40. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran20213440> (in Russ.).

Shumilin A.I. (2020) Evroatlanticheskaya solidarnost' posle Trampa [Post-Trump Euro-Atlantic Solidarity]. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, No 6, pp. 14–21. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran620201421> (in Russ.).

Strategicheskaya avtonomiya ES i perspektivy sotrudnichestva s Rossiej. (2020) [Strategic autonomy of the EU and prospects for cooperation with Russia]. Pod red. Arbatovoj N.K., Kokeeva A.M. Izd. «Ves' mir», Moscow, Russia. 368 p. (in Russ.).

Suzana Anghel. (2020) Strategic Sovereignty for Europe // EPRS Ideas Paper “Towards a More Resilient EU”. European Parliament, September 2020. P. 3, 11.

The Common Security and Defence Policy of the European Union. Handbook on CSDP. 4th edition. The Federal Ministry of Defence of the Republic of Austria. 2021. URL: <https://www.egmontinstitute.be/content/uploads/2021/06/CSDP-HANDBOOK-4th-edition.pdf> (accessed: 21.06.2021).

Tooze, A., Odendahl. (2018) Can the euro rival the dollar? CER Insight, Centre for European Reform, 4 December 2018. <https://www.cer.eu/insights/can-euro-rival-dollar> (accessed: 21.06.2021).

Towards a stronger international role of the euro, European Commission Contribution to the European Council and the Euro Summit, 5 December 2018.

Transformaciya politiki SSHA pri D. Trampe na evropejskom napravlenii. (2020) [Transformation of US policy under D. Trump in the European direction]. Chast' 6. V: Fenomen Trampa. Pod red. Kuznecova A.V. INION, Moscow, Russia, pp. 466–534. (in Russ.).

Subjectivity of the European Union – between Atlanticism and Eurocentrism

Received 02.06.2021

Author: Gromyko A., Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Europe RAS. **Address:** 11-3, Mokhovaya Str., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** alexey@gromyko.ru

Abstract. In the centre of the study – the contemporary discourse on the subjectivity of the European Union, conducted by euro-atlantists and euro-autonomists in the field of both conceptual and applied issues. We witness a collision of two views about a desirable type of the EU's identity as a part of the revived Western-centric world or as a moderate Eurocentrism. A significant attention is paid to the principle of strategic autonomy and the role of Germany and France in its implementation. The subjectivity of the EU is treated as a multi-speed process, intrinsic to the history of the European integration. The author explores the Eurocentric tendencies in the military-political sphere including deliberations on the primary deterrence. The EU's aspirations towards digital and trade sovereignty are highlighted drawing examples of the JCAP and Nord Stream 2. The article demonstrates that J. Biden's victory in the presidential election in November 2020 has not reduced the EU – US contradictions on a range of important issues. The recent events in Afghanistan and the signing of AUKUS have become a stark reminder that the principle of strategic autonomy of the EU should be treated by Brussels as the basis for the common security and defense policy.

Key words: EU subjectivity, euro-atlantists, euro-autonomists, Eurocentrism, strategic autonomy, Germany, France, digital platforms, extraterritorial sanctions.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420211025>